

## ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

П.А. Калиниченко\*

## ЕВРОПЕИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ВЛИЯНИЯ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА НА РЕШЕНИЯ РОССИЙСКИХ СУДОВ)

**Аннотация.** Статья посвящена анализу феномена европеизации российской судебной практики. На основе сравнительного анализа подробно освещается вопрос о конституционно-правовых основах европеизации российского законодательства и судебной практики на основе норм Европейского союза, исследуются юридические инструменты, позволяющие использовать и применять европейское право в отечественном правовом порядке. В российской судебной практике известны более сотни дел, в которых суды различных звеньев и инстанций применяли и использовали право Европейского союза. В статье подвергается анализу практика применения российскими судами Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Россией и Европейским союзом 1994 г., а также иные дела, связанные с использованием европейских норм и стандартов. Особенное внимание уделяется практике российских арбитражных судов по торговым, налоговым и таможенным делам. Продолжающаяся европеизация российского законодательства потребовала сопоставления российских норм не только с правилами ЕС, но и судебной практикой Суда ЕС. Российские суды ссылались на такую практику.

**Ключевые слова:** юриспруденция, европеизация, судопроизводство, Европейский союз, право, конституционно-правовые основы, практика российских судов, Соглашение о партнерстве и сотрудничестве.

**В**водные замечания. Влияние норм и стандартов правовой системы Европейского союза в России тесно связано с таким явлением, как европеизация российского права. Понятие «европеизация» очень многогранно — нет единого подхода к использова-

© Калиниченко Пауль Алексеевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры права Европейского союза Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Является разработчиком программы учебной дисциплины «Судебная защита по гражданским делам в европейском праве».

[paulkalinichenko@mail.ru]

123995, г. Москва, ул. Садовая Кудринская, д. 9.

*Данная статья подготовлена в рамках Программы стратегического развития ФБГУОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»; НИР «Теоретические и практические проблемы соотношения материального права и судебной формы защиты по гражданским делам»*

нию данной концепции, а равно использованию термина и определения<sup>1</sup>. Как правило, большинство европейских исследователей сегодня увязывают термин «европеизация» с интеграционными процессами в рамках Европейского союза. В этом контексте существует глубокое различие между пониманием «европеизации» государств-членов, когда эти процессы происходят в рамках ЕС, и «европеизации» третьих стран, когда эти процессы происходят за пределами ЕС. Для правовых систем государств-членов европеизация происходит, когда национальное законодательство, включая ее общие принципы, определяется нормами европейского права. Мы также можем в этой связи использовать термин «коммунитаризация»<sup>2</sup>. Кроме того, процесс европеизации в ЕС не является однородным.

Во-первых, европеизация означает влияние европейских процессов и явлений на российское общество. Во-вторых, европеизация может рассматриваться как непосредственное включение России в сами европейские процессы. В-третьих, европеизация представляет собой определенную историческую традицию для России. В-четвертых, европеизация — это восприятие Россией передового опыта европейских народов.

Современная европеизация российского права характеризуется как перестройкой правовой системы на основе рецепции норм других европейских государств, так и восприятием правил и стандартов, разрабатываемых Европейским союзом, который объединяет 27 европейских стран и выступает генератором общеевропейских норм. Влияние ЕС обусловлено стремительным развитием интеграционных процессов в его рамках, повлекшим европеизацию национальных правовых порядков государств-членов и создание собственной правовой модели — *acquis communautaire*. ЕС — признанный лидер европейской интеграции, претендующий на собственное место в мире в качестве глобального игрока<sup>3</sup>.

ЕС и Россия — соседи и приоритетные друг для друга торговые партнеры, которые в прогнозируемом будущем станут еще более близкими соседями и партнерами. Это говорит о благоразумности и целесообразности

развития Россией более совместимых нормативных правил и стандартов в том, что касается регулирования отношений, сопряженных с внешнеэкономической деятельностью, торговлей, услугами, инвестициями, созданием схожих условий хозяйствования для экономических операторов. Этот процесс возможен благодаря относительной открытости современной российской правовой системы. Конституция РФ 1993 г. (ч. 4 ст. 15) сделала международные механизмы, обеспечивающие данный процесс, частью российской правовой системы.

Европеизация российского права в современную эпоху заключается как в европеизации российской правовой культуры в целом, так и модернизации законодательства на основе европейских стандартов и европеизации российской судебной практики.

*Конституционно-правовые основы применения международного и европейского права на территории России.* Традиционно вопрос о соотношении международного и национального права в теории принято раскрывать сквозь призму полемики между монистическими (признающими единство двух правовых порядков) и дуалистическими (утверждающими об автономности двух правовых порядков) концепциями. Практика же демонстрирует важность другого аспекта — того, насколько та или иная правовая система открыта для влияния норм международного права. Конечно, не существует правовых порядков, воплощающих в чистом виде монистические или дуалистические подходы к соотношению международного и национального права, есть национальные правовые системы более или менее открытые для применения международного права.

В этом отношении российская правовая система является в большей степени открытой для влияния международного права. Это абсолютно новая тенденция в российском праве. Предыдущая российская конституция, модернизированная в 1991 г., не содержала такой возможности. Советские конституции также не содержали положений о применении международного права советскими судами и не признавали его примата. Это не соответствовало идеологии закрытости советской правовой системы, отделенной от Запада «железным занавесом». Известный российский юрист В.С. Карташкин отмечает, что советская конституция «обладала высшей юридической силой на территории страны и имела приоритет над международными обя-

<sup>1</sup> Olsen J. The Many Faces of Europeanisation // ARENA Working Papers, 2002; C. Radaelli C. Europeanisation: Solution or Problem? // *European Integration of Policy*. 2004. № 8 (16). P. 1.

<sup>2</sup> *Europeanisation of Public Law* / J. Jans, R. de Lange, S. Prechal, R. Widershoven (eds.), Groningen. 2010. P. 8.

<sup>3</sup> Cremona M. Citizens of Third Countries: movement and employment of migrant workers within the European Union // *Legal Issues of European Integration*. 1997. № 4. P. 87.

зательствами страны»<sup>4</sup>. Случаи применения международных договоров судами в СССР были единичными<sup>5</sup>.

Вместе с тем такая возможность существовала, хотя и носила строго ограниченный характер. Статья 21 Закона СССР о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР 1978 г. наделяла подобными полномочиями компетентные органы советского государства. В законодательстве СССР присутствовали ссылки на международные договоры СССР и их применение в конкретных случаях. О существовавшей практике советских судов в этой сфере свидетельствует постановление Пленума Верховного суда СССР от 11 апреля 1969 г. «О некоторых вопросах применения судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из перевозки грузов и багажа». В п. 14 оно предусматривало, что «судам необходимо иметь в виду, что если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве или в советском законодательстве о гражданском судопроизводстве, то при разрешении споров, возникающих из договоров о международных перевозках, применяются правила международного договора».

В советской теории международного права применение норм международных договоров на основе советского законодательства (отсылочное применение) определялось как «комплексное применение» или как «приоритетное применение» норм международного права. Первое имело место при применении нормы международного соглашения вместе с нормой национального закона, второе — применение нормы международного договора вместо положений закона при их коллизии<sup>6</sup>. Вместе с тем в обеих ситуациях международное право можно было применять в случаях, оговоренных специальным законодательством.

Только после цепи перемен — провозглашения Россией государственного суверенитета в 1990 г., прекращения СССР в 1991 г. и демонтажа системы Советов в России в 1993 г. — появилась возможность полноценного применения международного права в российском правовом порядке на основе Конституции РФ 1993 г.

В соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Важное значение для применения этой статьи Конституции имеют три аспекта:

1) положения ст. 15 относятся к основам конституционного строя России, которые составляют базовые ценности российского общества и государства. К ним относятся: уважение прав человека, демократия, республика, суверенитет, федеративное устройство, социальный характер государства, многообразие форм собственности, разделение властей, идеологическое и политическое многообразие, светский характер власти, господство права. Закрепление положений о действии международных норм в правовом порядке России характеризует нашу страну как правовое государство, как государство<sup>7</sup>, в котором должно всесторонне обеспечиваться господство права;

2) в российском правовом порядке положения международных договоров обладают верховенством и могут обладать прямым действием. Положения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ развиваются нормами Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»<sup>8</sup>. В частности, первое предложение ч. 3 ст. 5 этого Закона устанавливает: «Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно». Соответственно это относится и к нормам СПС;

3) для применения норм международного права в России важно то, в каком направлении развивается практика самих судов в этой сфере. Для практики применения законодательства судами большое значение имеют разъяснения высших судов России. Традиционно в теории практика судов не считается источником права в российской правовой системе, хотя в последние десять лет некоторые авторы предпринимают попытки сделать этот вопрос дискуссионным<sup>9</sup>.

<sup>4</sup> Карташкин В.С. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 16.

<sup>5</sup> Marochkin S. International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application // Chinese Journal of International Law. 2007. Vol. 2. P. 330.

<sup>6</sup> Международное право / под ред. Н.Т. Блатовой. М., 1987. С. 64.

<sup>7</sup> Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 101.

<sup>8</sup> СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

<sup>9</sup> Гурова Т. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников российского права // Atrium. 1997. № 3. С. 7; Лившиц Р. Судеб-

Для применения российскими судами международного и европейского права наиболее важны указания, сформулированные в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»<sup>10</sup> и постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров РФ применительно к вопросам арбитражного процесса»<sup>11</sup>.

Пленум Верховного Суда РФ определил критерии, которым суды должны следовать при применении международного права. Международные договоры могут применяться российскими судами, если Россия участвует в них, они вступили в силу, официально опубликованы в России, являются самоисполнимыми по своей природе. Российские суды также вправе интерпретировать применяемые положения международных договоров РФ, основываясь на правилах интерпретации, предусмотренных Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. (п. 10 постановления Верховного Суда РФ, п. 4 постановления Высшего Арбитражного Суда РФ).

Как справедливо отмечает российский юрист-международник С. Марочкин, «международное право больше не является «чужим» для судов. Они часто ссылаются и применяют его, как и внутригосударственное право»<sup>12</sup>. Эти «интернациональные по содержанию» положения российского права составляют правовые основы для применения СПС и других источников европейского права в правовой системе России<sup>13</sup>. Конституция РФ создала прочную основу для восприятия Россией стандартов и правил, разделяемых другими европейскими государствами и народами, живущими за пределами современной России.

Кроме того, известно, что нормы международного права могут оказать воздействие на национальное право даже тех государств, для которых они не обязательны. Например, это связано с процессом присоединения России к ВТО и ОЭСР, когда само вступление го-

сударства в эти организации требует совместимости их правопорядка с нормами и правилами организации. Соответственно такая гармонизация законодательства осуществляется не в рамках этой организации, а еще до того, как ее нормы станут обязательными для конкретного государства.

Для правопорядка особую важность представляют:

- общепризнанные нормы и принципы международного права;
- положения многосторонних и двусторонних соглашений РФ;
- положения международного права в области прав человека;
- нормы и стандарты международных организаций.

При этом если первая группа норм международного права, касающаяся норм *jus cogens*, имеет практическое значение только в аспекте построения государственной внешней и внутренней политики, то остальные три имеют практический и прикладной аспекты реализации во внутригосударственном праве РФ.

Так, среди положений многосторонних и двусторонних соглашений в этой связи следует выделить нормы в области торгового сотрудничества и унификации частноправовых институтов, окружающей среды, налогообложения, уголовно-правового и процессуального характера, административного сотрудничества, а также Конвенции ООН по морскому праву.

Влияние положений в области прав человека предопределено прямым действием в российском правопорядке в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ. Это особый механизм влияния и реализации норм международного права. Своего рода *lex specialis* по отношению к ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Влияние стандартов ряда международных организаций на российскую правовую систему также весьма велико. В первую очередь оно касается норм ИМО и ИКАО, МОТ, ЕЭК ООН, ВОЗ и др. организаций. Особый характер влияния на российскую правовую систему имеют стандарты ВТО и ОЭСР. Важно также то влияние, которое оказывают на Россию документы, принятые в рамках Совета Европы и на пространстве СНГ.

Более того, особым характером влияния на российскую правовую систему обладают Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ) и Базовое соглашение с Европейским союзом — Соглашение о партнерстве и сотрудничестве 1994 г. (СПС)<sup>14</sup>.

<sup>14</sup> Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнёрство между Российской Федерации

ная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 4.

<sup>10</sup> Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

<sup>11</sup> Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 1999. № 6.

<sup>12</sup> Marochkin S. International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application. P. 333.

<sup>13</sup> Kellermann A.E. The Impact of EU Enlargement on the Russian Federation // Azerbaijani-Russian Journal of International and Comparative Law. 2005. Vol. 1 (2) P. 172.

*Взаимодействие европейского и российского права.* Россия является членом Совета Европы и участницей Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., но не является членом Европейского союза, поэтому влияние европейского права на российский правопорядок носит ограниченный характер. Вместе с тем европеизация российского права проходит в двух основных формах: применения норм европейского права российскими судами и гармонизации российского законодательства в соответствии с правилами и стандартами ЕС.

Применение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и прецедентов Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), а также СПС и других источников европейского права в российском правопорядке, европеизация последнего основывается на возможности применения (использования) норм международного права, предоставляемой Конституцией РФ 1993 г.

С момента присоединения ЕКПЧ стала частью российской правовой системы. Можно с уверенностью сказать, что ЕКПЧ и практика ЕСПЧ являются важными источниками российского права<sup>15</sup>. При этом практика ЕСПЧ рассматривается в российском правопорядке как «*axillary's*». В соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

В практике российских судов существуют сотни гражданских, коммерческих и уголовных дел, в которых суды различных звеньев и инстанций ссылались на положения ЕКПЧ и прецедентное право ЕСПЧ<sup>16</sup>. Они обладают приоритетом по отношению к российским федеральным законам. Нормы ЕКПЧ и интерпретация их ЕСПЧ нашли отражение во многих решениях Конституционного Суда РФ. Первый раз Конституционный Суд РФ рассмотрел вопросы, связанные с применением норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод еще в 1996 г.,

до ее ратификации Россией. Конституционный Суд РФ демонстрирует полное понимание подхода к применению ЕКПЧ и решений ЕСПЧ. Несколько разъяснений высших судов России посвящены реализации положений Конвенции и решений ЕСПЧ. Решения ЕСПЧ являются важными практическими гарантиями прав и свобод российских частных лиц в российской правовой системе<sup>17</sup>.

Другим важным аспектом европеизации российского права является применение СПС, других соглашений между Россией и ЕС (секторных соглашений) и других источников европейского права в правовой системе РФ.

СПС содержит самоисполнимые нормы. Его отличает определенность положений, что делает нормы Соглашения эффективной формой сотрудничества без имплементации на основе национального права РФ. Существующая практика применения СПС российскими судами подтверждает данный факт. В российской судебной практике известно более полутора десятка случаев его применения и более сотни дел, в которых суды ссылались на право ЕС. Суды различных уровней и звеньев российской судебной системы ссылаются на право ЕС в своих решениях. Чаще всего применяют нормы права ЕС российские арбитражные суды в решениях по торговым, таможенным и налоговым делам. Это подчеркивает важность СПС для российской правовой системы как международного соглашения России, предоставляющего гарантии для защиты прав и интересов частных лиц в отношениях с Европейским союзом<sup>18</sup>.

СПС для российской правовой системы — особый источник, обладающий специфическими чертами и качествами. Подвергая регулируемые СПС отношения партнерства анализу с точки зрения теории права, российский юрист Е.Ю. Ковалькова делает ряд очень интересных и важных выводов<sup>19</sup>.

Во-первых, по субъектам отношений: партнерство оформляется в СПС не как сфера исключительно международного права. Субъектом и адресатом правовых предписаний, дозволений и запретов становятся частные

ей, с одной стороны, Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны, заключенное 24 июня 1994 г. // СЗ РФ. 1998. № 16. Ст. 1802; Official Journal, 1997, L 327/1.

<sup>15</sup> Alisievich E.S. Russian Court Practice of Applying Legal Views of the European Court of Human Rights // The Upsala Yearbook of East European Law. 2006. P. 81.

<sup>16</sup> Danilenko G.M. Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // European Journal of International Law, 10(1999). P. 68.

<sup>17</sup> Zimnenko B.L. Judgments of the European Court of Human Rights and Legal System of the Russian Federation // Moscow Journal of International Law. 2 (2004). P. 84.

<sup>18</sup> Калиниченко П.А. Применение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС в российских судах // Закон. 2007. № 11. С. 225–234; Его же. Право Европейского союза в практике российских судов // Закон. 2008. № 11. С. 99–108.

<sup>19</sup> Ковалькова Е.Ю. О принципах партнерства и сотрудничества (на примере взаимоотношений России и Европейского союза) // Российский юридический журнал. 2005. № 3. С. 61.

лица, а роль государства, главного субъекта международного права, сужается и сводится лишь к выработке оптимальных юридических условий самостоятельной и эффективной деятельности частных лиц. Во-вторых, по объекту отношений: партнерство, учрежденное СПС, предполагает перенос акцента в международном общении с политического уровня на экономический. В-третьих, по предмету регулирования: партнерство предполагает «многогранную» деятельность, обусловленную исключительно широкими целями и задачами. В-четвертых, по методу правового регулирования: регулирование партнерства отличает особая детальность положений. Это делает нормы без дополнительной конкретизации достаточно эффективным инструментом для торговли и иного сотрудничества.

Следующим аспектом влияния европейского права на российский правовой порядок является гармонизация российского права с нормами и стандартами ЕС. Конституция России заложила основу для проведения небывалой по масштабам правовой реформы в России. На ее основе было принято принципиально новое законодательство по всем направлениям правового регулирования. Этот процесс продолжается. В соответствии с СПС ему содействует намерение России гармонизировать свое законодательство с нормами и правилами ЕС. Данное намерение сформулировано в целом в ст. 55 СПС и конкретизировано в других положениях Соглашения, а также в положениях дорожной карты по общему экономическому пространству между Россией и ЕС, одобренной представителями Сторон 10 мая 2005 г.

Статья 55 СПС называет 15 сфер гармонизации: сближение законодательства по вопросам регулирования предпринимательской деятельности и правового режима предприятий, банковской деятельности, бухгалтерского учета и налогообложения компаний, охраны труда, предоставления финансовых услуг, условий конкуренции, государственных закупок, охраны здоровья и жизни людей, животных, растений, охраны окружающей среды, защиты прав потребителей, косвенного налогообложения, таможенного дела, транспорта, ядерной энергетики, установления технических норм и стандартов. Несомненно, что в процессе проведения правовой реформы во всех перечисленных сферах использовался опыт ЕС, и российские нормы в большей или меньшей степени схожи с нормами европейского права.

На практике гармонизация идет дальше рамок ст. 55 СПС. Так, в соответствии с Ука-

зом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»<sup>20</sup> среди целей модернизации гражданского законодательства прямо указывается «сближение положений Гражданского кодекса Российской Федерации с правилами регулирования соответствующих отношений в праве Европейского союза». Разработанная на основе Указа Концепция развития гражданского законодательства РФ в полной мере отражает идею европеизации российского частного права.

«Интеграция России в европейское и международное сообщество, — как отмечал академик РАН О.Е. Кутафин, — заставляет видоизменять многие традиционные правовые институты и интерпретировать отечественные конституционно-правовые нормы и принципы, а также соответствующие нормы и принципы международного и европейского права»<sup>21</sup>.

*Право Европейского союза в практике российских судов.* В российской судебной практике известны более сотни дел, в которых суды различных звеньев и инстанций применяли и использовали право Европейского союза<sup>22</sup>. Для правовой системы России это подчеркивает важность СПС как международного договора России, обеспечивающего гарантии защиты прав и интересов частных лиц в отношениях с Европейским союзом<sup>23</sup>.

Первая ссылка на положения СПС прозвучала в практике Конституционного Суда РФ в связи с рассмотрением дела о проверке конституционности ст. 11-1 Закона РФ от 1 апреля 1993 г. «О Государственной границе Российской Федерации»<sup>24</sup> в редакции Федерального закона от 29 ноября 1996 г. В особом мнении к решению Конституционного Суда РФ судья А.Л. Кононов, не согласившись с позицией Конституционного Суда РФ о частичном несоответствии указанной статьи, привел обоснования ее полного несоответствия, сославшись при этом на положения международных обязательств РФ, в частности СПС (п. 4 особого мнения).

<sup>20</sup> Российская газета. 2008. 23 июля.

<sup>21</sup> Кутафин О.Е. Российский конституционализм. М., 2008. С. 50.

<sup>22</sup> Petrov R., Kalinichenko P. The Europeanization of Third Country Judiciaries through the Application of the EU Acquis: the Cases of Russia and Ukraine // International and Comparative Law Quarterly. 2011. Vol. 60.

<sup>23</sup> Калиниченко П.А. Применение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС в российских судах. С. 225–234.

<sup>24</sup> Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 17. Ст. 594. Статья утратила свою силу на основании Федерального закона от 5 августа 2000 г. № 118-ФЗ.

В решениях российских судов подчеркивается основополагающий характер для партнерства между Россией и ЕС положений ст. 2 СПС, закрепляющей принцип уважения демократических принципов и прав человека. Уважение прав человека и основных свобод, а также правовое государство отражаются как принципы, корреспондирующие положениям Конституции России 1993 г. В практике российских судов находит подтверждение, что данные принципы носят нормативное содержание и составляют главные гуманистические ценности, разделяемые Сообществом, его государствами-членами и Россией.

Этот вывод содержится в постановлении ФАС Московского округа от 2 марта 2006 г. по делу № КГ-А40/698-06-П, которое явилось одним из процессуальных решений в скандально известном деле компании «ЮКОС». ФАС Московского округа рассматривал дело по кассационной жалобе ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» на определение Арбитражного суда г. Москвы от 21 декабря 2005 г. Суд субъекта РФ вынес определение о признании и приведении в исполнение решения Высокого суда правосудия Англии и Уэльса о взыскании в пользу ряда европейских банков с ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»» 475 284 466,67 долл. США. ФАС Московского округа подтвердил законность и обоснованность определения московского арбитражного суда. Сложность положения суда была в том, что на фоне хорошо известных трудностей в реализации господства права в России судье нужно было подтвердить этот принцип в целях защиты прав европейских кредиторов (ссылка на книгу «Господство права»).

Ситуация, с которой столкнулся арбитражный суд, схожа с той, что пришлось ранее разрешать Верховному Суду РФ по делу о претензиях британского банка к клинике «Микрохирургия глаза» Святослава Федорова<sup>25</sup>. Однако в отличие от того дела в деле против «ЮКОС» у арбитражного суда не было сомнений в возможности применения принципа взаимности при исполнении иностранных судебных решений. Представителями европейских банков дополнительно были представлены доказательства, что английское право допускает возможность приведения в исполнение решений российских судов в виде экспертных заключений королевского советника, одного из британских профессоров, а также письма Верховного Суда Англии и Уэльса от 9 августа 2005 г.

Российскими судами были истолкованы положения ст. 98 СПС об обеспечении досту-

па к правосудию как положения, непосредственно вытекающие из ст. 2 СПС. Данная статья в российской судебной практике, помимо прямого действия, получила расширительное толкование в том, что, кроме непосредственной судебной защиты, она предусматривает возможность обращаться в российские суды с заявлением об исполнении иностранных судебных решений и может служить основанием для приведения их в исполнение.

В практике российских судов нашел подтверждение механизм применения норм ГАТТ/ГАТС сквозь призму положений СПС, ограниченный возможностью распространения только на лиц РФ и Сообщество. Вместе с тем сама возможность применения норм ВТО позволила в соответствующем ключе интерпретировать характер ряда правоотношений, складывающихся в сфере оказания трансграничных услуг. Российские суды применяли СПС в целях защиты прав европейских инвесторов при реализации ими вторичной свободы учреждения на территории России на основе режима наибольшего благоприятствования в соответствии с положениями ст. 28 и 30 СПС.

В практике по разрешению налоговых споров российские суды применяли также секторальные соглашения между РФ и ЕС. Арбитражный суд г. Москвы в решении от 2 сентября 2005 г. по делу № А40-33242/05-114-247 по заявлению ООО «Компания «Прикладные Технологии»» к ИФНС России № 28 по г. Москва использовал положения Соглашения между Правительством РФ и Европейским сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий, заключенного 16 ноября 2000 г., относительно налоговых льгот для грантообладателей в соответствии с данным Соглашением.

В другом деле Арбитражный суд г. Москвы ссылался на положения Соглашения в форме обмена письмами между Европейским сообществом и Российской Федерацией об учреждении системы двойного контроля без количественных ограничений в отношении экспорта некоторых изделий из стали. В решении от 18 декабря 2006 г. по делу № А40-65629\06-127-356 по иску ООО «Группа «ТрансЛиз»» к ИФНС № 14 по г. Москва суд использовал Дополнение 1 к Соглашению от 13 октября 1997 г., содержащее список товаров, подпадающих под действие установленной системы.

В практике российских судов по торговым делам неоднократно применялся и интерпретировался Меморандум между Европейским сообществом и Российской Федерацией от 2 апреля 2004 г. по ветеринарным сертификатам на животных и животноводческую про-

<sup>25</sup> Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2002 г. № 5-Г02-64.

дукцию, предназначенных для экспорта из ЕС в Россию, имплементированный в правопрямодок России Письмом Россельхознадзора от 21 апреля 2006 г. № ФС-СД-2/3106.

Очевидно, что российские суды применяют Ветеринарный меморандум как международный договор. В соответствии с российским правом — это логично. Вместе с тем, согласно праву ЕС, данный Меморандум не является таковым, так как этот документ не проходил обязательную процедуру заключения соглашений ЕС с третьими странами, предусмотренную ст. 300 или 133 Договора, учреждающего ЕС 1957 г. Не предусматривает возможность заключения такого Меморандума и СПС. В СПС говорится только о гармонизации российского законодательства с правом ЕС в рассматриваемой сфере. Положения Меморандума свидетельствуют об обратном — ЕС согласовало свои требования с требованиями российского законодательства.

В российской судебной практике имеется случай применения одного из учредительных договоров ЕС — Римского договора, учреждающего Европейское сообщество 1957 г. Столь смелую попытку применить первичное право ЕС сделал Арбитражный суд Кабардино-Балкарской Республики в постановлении апелляционной инстанции от 8 апреля 2003 г. по делу № А20-06/2003. Судом через призму ст. 1 Договора между СССР и ФРГ о развитии широкомасштабного сотрудничества в области экономики, промышленности, науки и техники от 9 ноября 1990 г. (по которому правопреемницей СССР является Россия) была применена ст. 23 (бывшая ст. 9) Римского договора, учреждающего ЕС, об отмене всех таможенных пошлин и иных равнозначных сборов в отношении между государствами-членами. На этом основании Арбитражный суд Кабардино-Балкарии освободил от уплаты российских экспортных таможенных пошлин ОАО «Нальчикский завод полупроводниковых приборов», ввозивший в Россию оборудование из Германии.

Рассматривая дело в кассационной инстанции, Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа в постановлении от 2 июля 2003 г. указал на очевидную ошибку нижестоящего суда и справедливо отменил его решение. Вышестоящий суд подчеркнул, что Россия не является участницей Договора, учреждающего ЕС, ссылка на Римский договор в ст. 1 Договора между СССР и ФРГ касается только германской стороны.

Вместе с тем суд кассационной инстанции в этом же постановлении специально отметил, что не исключает возможность применения Римского договора к отношениям,

возникающим на территории РФ, если это предусмотрено базовым соглашением о взаимоотношениях с ЕС.

Значительно чаще российские суды ссылаются на вторичное право ЕС. Эта практика связана с процессом гармонизации российского законодательства. Российские суды ссылаются на таможенное, налоговое законодательство ЕС, а также на стандарты и правила ЕС в сфере технического регулирования. В сфере технического регулирования российское законодательство предусматривает примат не только для международных обязательств РФ, но и для внутреннего законодательства, принятого в их имплементацию.

Суды ссылались на европейские стандарты как на образец имплементации международных обязательств, обязательных для России и ЕС. В таком случае суд указывает международные стандарты, европейские правила и соответствующие российские законы.

Это полностью соответствует положениям о гармонизации российского законодательства, заложенным в Дорожной карте по общему экономическому пространству между Россией и ЕС 10 мая 2005 г., а также обязательствам России, взятых при вступлении в ВТО и подготовке к вступлению в ОЭСР.

Продолжающаяся европеизация российского законодательства потребовала сопоставления российских норм не только с правилами ЕС, но и судебной практикой Европейского суда. Российские суды ссылались на его практику.

Арбитражный суд г. Москвы в обосновании своих доводов о добросовестности налогоплательщика на основе европейского права, ссылаясь в решении от 25 октября 2006 г. по делу № А40-48445/06-90-252 по заявлению ООО «Адидас» к ИФНС РФ № 29 по г. Москва и решению от 11 сентября 2007 г. по делу № А40-24994/07-108-118 по заявлению ООО «Бизнес-Центр «Крылатский» к ИФНС РФ № 31 по г. Москва не только на положения Шестой налоговой директивы, но и на прецеденты Суда ЕС в данной сфере.

Ссылки касались решения Суда Европейских сообществ от 12 января 2006 г. по объединенному делу C-354/03, C-355/03, C-484/03 «Optigen Ltd.»<sup>26</sup>, а также решения от 11 мая 2006 г. по делу C-384/04 «Federation of Technological Industries»<sup>27</sup>. Оба прецедента интерпретируют Шестую налоговую дирек-

<sup>26</sup> Joined cases C-354/03, C-355/03 and C-484/03, Optigen Ltd, Fulcrum Electronics Ltd and Bond House Systems Ltd v Commissioners of Customs & Excise // ECR [2006] I-00483.

<sup>27</sup> Case C-384/04, Commissioners of Customs & Excise and Attorney General v Federation of Technological Industries and Others // ECR [2006] I-04191.



тиву относительно прав налогоплательщика, совершающего операции по вычету сумм входящего НДС, при наличии фактов мошенничества со стороны других организаций, участвующих в цепи поставок.

В российской судебной практике совершенно не получил отражения прецедент Суда Европейских сообществ по делу «Simutenkov»<sup>28</sup>, определивший комплекс гарантий для деятельности российских частных лиц на территории ЕС.

Дело «Simutenkov» дает возможность для российских физических лиц, а также для российских юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность и инвестиции в ЕС, защищать свои права в национальных судах государств-членов на базе положений СПС.

Важность этого судебного решения не только в практической возможности реализации прав в соответствии с положениями СПС. Органы ЕС действовали без давления со стороны политической элиты России. Это дело не касается национальных или глобальных инсинуаций. Суд ЕС и Комиссия поддержали требования простого российского гражданина. Говоря о правовом потенциале выводов Суда ЕС в деле «Simutenkov», российский профессор М. Энтин отмечает: «Как это... было неоднократно в прошлом, позиция суда способна принести новую правовую реальность, которая так необходима в данном случае для выпрямления правового фона отношений между Россией и ЕС»<sup>29</sup>.

Дело Симутенкова — первый шаг в распространении принципа равенства прав российских и европейских частных лиц. Принцип, сформулированный в ст. 23 СПС, является логическим продолжением принципов стратегического партнерства, изложенных в ст. 2 СПС. Гарантии прав и законных интересов российских частных лиц выступают ключевым вопросом во взаимоотношениях России и Европейского союза. СПС содержит минимальные необходимые положения относительно обеспечения таких прав.

Вместе с тем детализация системы таких гарантий всегда слишком зависела от политического климата в отношениях РФ и ЕС. После дела «Simutenkov» вопрос защиты прав российских граждан и российского бизнеса на территории ЕС окончательно вошел в юридическое русло, что позволяет использовать со-

вершенно иные, неполитические подходы к реализации и детализации этих положений СПС. Прецедент по делу «Simutenkov» способен стать фундаментом для создания принципиально новой базы для защиты интересов российских инвесторов за рубежом, базирующейся не на политической воле руководства ЕС и России, а на четких юридических формулировках за пределами политических игр.

Положения ст. 23 СПС (а также другие положения СПС) все же могут иметь прямое действие в России в соответствии с ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации». Кроме того, в российской судебной практике четко зафиксирована возможность прямого действия норм СПС. В деле по иску чешского предпринимателя Я. Тополя Высший Арбитражный Суд РФ непосредственно указал на прямое действие положений ст. 98 СПС в российском правовом порядке<sup>30</sup>.

*Заключение.* Одной из форм современной европеизации российского права является европеизация правоприменительной практики. Российские суды используют и ссылаются на европейское право в своей практической деятельности. Это касается не только сотен дел, связанных с применением Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и прецедентов Страсбургского суда, речь идет именно о реализации права Европейского союза в российской судебной практике. Существует множество дел, в которых российские суды разного уровня и инстанций, включая высшие суды России, использовали первичное, вторичное и даже прецедентное право Европейского союза в процессе рассмотрения и разрешения споров. Более чем в двух десятках случаев применялись двусторонние соглашения между РФ и ЕС.

Чаще всего российские суды ссылаются на вторичное право ЕС. Эта практика связана с процессом гармонизации российского законодательства. В практике российских судов нашел подтверждение процесс гармонизации российского законодательства с правом ЕС в качестве важной гарантии обеспечения справедливых условий реализации законных прав и интересов частных лиц. Российские суды ссылаются на таможенное, налоговое законодательство ЕС, а также на стандарты и правила ЕС в сфере технического регулирования. В сфере технического регулирования российское законодательство предусматривает примат не только для международных

<sup>28</sup> Case C-265/03, Igor Simutenkov v. Ministerio de Educación y Cultura, Real Federación Española de Fútbol // ECR [2005] I-5961.

<sup>29</sup> Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 гг. СПб., 2006. С. 381.

<sup>30</sup> Решение Высшего Арбитражного Суда РФ от 1 октября 2012 г. № ВАС-6474/12 // СПС «КонсультантПлюс».

обязательств РФ, но и для внутреннего законодательства, принятого в их имплементацию. В других делах суды ссылались на европейские стандарты как на образец имплементации международных обязательств, обязательных для России и ЕС. В таком случае суд указывает международные стандарты, европейские правила и соответствующие российские законы. Это полностью соответствует положениям о гармонизации

российского законодательства, заложенным в Дорожной карте по общему экономическому пространству между Россией и ЕС 10 мая 2005 г., а также обязательствам России, взятых при вступлении в ВТО и подготовке к вступлению в ОЭСР. Продолжающаяся европеизация российского законодательства потребовала сопоставления российских норм не только с правилами ЕС, но и судебной практикой Суда ЕС.

### Библиография:

1. Гурова Т. Судебный прецедент как формальный источник права и его место в системе источников российского права // *Atrium*. — 1997. — № 3.
2. Калининко П.А. Применение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между РФ и ЕС в российских судах // *Закон*. — 2007. — № 11.
3. Калининко П.А. Право Европейского союза в практике российских судов // *Закон*. — 2008. — № 11.
4. Карташкин В.С. Права человека в международном и внутригосударственном праве. — М., 1995.
5. Ковалькова Е.Ю. О принципах партнерства и сотрудничества (на примере взаимоотношений России и Европейского союза) // *Российский юридический журнал*. — 2005. — № 3.
6. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. — М., 1995.
7. Кутафин О.Е. Российский конституционализм. — М., 2008.
8. Лившиц Р. Судебная практика как источник права // *Судебная практика как источник права*. — М., 1997.
9. *Международное право* / под ред. Н.Т. Блатовой. — М., 1987.
10. Энтин М.Л. В поисках партнерских отношений: Россия и Европейский союз в 2004–2005 гг. — СПб., 2006.
11. Alisieovich E.S. Russian Court Practice of Applying Legal Views of the European Court of Human Rights // *The Uppsala Yearbook of East European Law*. 2006.
12. Cremona M. Citizens of Third Countries: movement and employment of migrant workers within the European Union // *Legal Issues of European Integration*. — 1997. — № 4.
13. Danilenko G.M. Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // *European Journal of International Law*, 10(1999).
14. *Europeanisation of Public Law* / J. Jans, R. de Lange, S. Prechal, R. Widershoven (eds.), Groningen. 2010.
15. Kellermann A.E. The Impact of EU Enlargement on the Russian Federation // *Azerbaijani-Russian Journal of International and Comparative Law*. — 2005. — Vol. 1 (2).
16. Marochkin S. International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application // *Chinese Journal of International Law*. — 2007. — Vol. 2.
17. Olsen J. The Many Faces of Europeanisation // *ARENA Working Papers*, 2002.
18. Petrov R., Kalinichenko P. The Europeanization of Third Country Judiciaries through the Application of the EU Acquis: the Cases of Russia and Ukraine // *International and Comparative Law Quarterly*. — 2011. — Vol. 60.
19. Radaelli C. Europeanisation: Solution or Problem? // *European Integration of Policy*. — 2004. — № 8 (16).
20. Zimnenko B.L. Judgments of the European Court of Human Rights and Legal System of the Russian Federation // *Moscow Journal of International Law*. 2 (2004).

### References (transliteration):

1. Gurova T. Sudebnyy precedent kak formal'nyy istochnik prava i ego mesto v sisteme istochnikov rossiyskogo prava // *Atrium*. — 1997. — № 3.
2. Kalinichenko P.A. Primenenie Soglasheniya o partnerstve i sotrudnichestve mezhdou RF i ES v rossiyskikh sudah. // *Zakon*. — 2007. — № 11.

3. Kalinichenko P.A. Pravo Evropeyskogo Soyuza v praktike rossiyskih sudov // Zakon. — 2008. — № 11.
4. Kartashkin V.S. Prava cheloveka v mezhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave. — M., 1995. — S. 180.
5. Koval'kova E.Yu. O principah partnerstva i sotrudnichestva (na primere vzaimootnosheniy Rossii i Evropeyskogo Soyuza) // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. Ekaterinburg. — 2005. — № 3. — S. 63-67.
6. Kozlova E.I., Kutafin O.E. Konstitucionnoe pravo Rossii. — M., 1995. — S. 303.
7. Kutafin O.E. Rossiyskiy konstitucionalizm. — M.: Norma. 2008. — S. 450.
8. Livshic R. Sudebnaya praktika kak istochnik prava // Sudebnaya praktika kak istochnik prava. — M., 1997. — S. 1-17.
9. Mezhdunarodnoe pravo / pod red. Blatovoy N.A. M. 1987.-S. 425.
10. Entin M.L. V poiskah partnerskih otnosheniy: Rossiya i Evropeyskiy Soyuz v 2004–2005 gg. — SPb., 2006. — S. 556.
11. Alisievich E.S. Russian Court Practice of Applying Legal Views of the European Court of Human Rights // The Uppsala Yearbook of East European Law. 2006. — P. 78-85.
12. Cremona M. Citizens of Third Countries: movement and employment of migrant workers within the European Union // Legal Issues of European Integration. — 1997. — № 4. — P. 60-93.
13. Danilenko G.M. Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // European Journal of International Law, 10(1999). — P. 67-86.
14. Europeanisation of Public Law / J. Jans, R. de Lange, S. Prechal, R. Widershoven (eds.), Groningen. 2010. — P. 300.
15. Kellermann A.E. The Impact of EU Enlargement on the Russian Federation // Azerbaijani-Russian Journal of International and Comparative Law. 2005. — Vol. 1 (2). — P. 170-181.
16. Marochkin S. International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application // Chinese Journal of International Law. 2007. — Vol. 2. — P. 323-351.
17. Olsen J. The Many Faces of Europeanisation // ARENA Working Papers, 2002. — P. 80.
18. Petrov R., Kalinichenko P. The Europeanization of Third Country Judiciaries through the Application of the EU Acquis: the Cases of Russia and Ukraine // International and Comparative Law Quarterly. 2011. — Vol. 60. — P. 523-556
19. Radaelli C. Europeanisation: Solution or Problem? // European Integration of Policy. — 2004. — № 8 (16). — P. 1-19.
20. Zimnenko B.L. Judgments of the European Court of Human Rights and Legal System of the Russian Federation // Moscow Journal of International Law. 2 (2004). — P. 79-94

*Материал поступил в редакцию 9 сентября 2013 г.*